

Н. ПОППЕ

УРАЛО-АЛТАЙСКАЯ ТЕОРИЯ В СВЕТЕ СОВЕТСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Так называемая урало-алтайская теория принадлежит к еще неизжитым лингвистическим теориям, являющимся наследием буржуазной науки. Хотя за последнее время интерес к ней значительно ослабел даже среди самих буржуазных лингвистов (быть может, временно), тем не менее она научно не была опровергнута и потому продолжает существовать.

Начало урало-алтайского языкознания относится к первой половине XVIII ст.; именно в этот период вышел в свет труд шведского офицера Иоганна фон Страленберга, попавшего в битве под Полтавой в плен и прошедшего много лет в качестве военнопленного в восточной части России и в Сибири. Страленберг сделал безусловно ряд ценных наблюдений над языками многих народов. В труде его собраны первые фактические данные, как, например, словарь калмыцкого языка. Труд этот в гораздо большей степени заслуживает также нашего внимания, как первая попытка отнести ряд языков к единой группе. Объединяя сближаемые в языковом отношении народы под общим названием «татарских», Страленберг впервые дает классификацию их и разбивает устанавливаемую им семью народов на следующие группы: 1) уйгуров, под которыми подразумеваются финно-угорские народы, барабинцы и гунны, 2) тюрко-татар, 3) самоедов, 4) монголов и манджуров, 5) тунгусов, 6) племен, обитающих между Черным и Каспийским морями.¹ Классификация эта не соответствует позднейшим научным исследованиям и во многом совершенно неправильна. Тем не менее она заслуживает внимания как первая классификация. Правда, Страленберг объединил ряд языков в одну группу совершенно стихийно. Он не привел в обоснование своей классификации каких-либо серьезных для лингвиста доводов. Впрочем этого от него нельзя было и требовать: о большинстве объединяемых им языков в то время почти ничего не было известно. Следует особо отметить то обстоятельство, что объединение этих языков в одну группу, получившую впоследствии название урало-алтайской, произошло значительно раньше того, как языки эти начали изучаться. Другими словами, теория или, вернее, гипотеза о родстве этих языков появилась раньше описательных работ по этому вопросу, который был снова поднят датским лингвистом Раском, почти столетие спустя после выхода в свет труда Страленберга. Раск дал этой группе название «скифских языков». В результате «скифская» группа Раска обнимает языки, распространенные в Гренландии, северной части Америки, Азии и Европы, а также на Кавказе. К «скифским» языкам были причислены и языки дсиндоевропейского населения Испании и Галлии.² «Скифская» группа обнимает не только тунгусские, монголь-

¹ Der Nord und östliche Theil von Europa und Asia, von Philipp von Strahlenberg, Stockholm, 1730.

² Den skytiske Sprogæet. Samlede tildeels forhen utrykte Afhandlingene af R. K. Rask.

ские, тюркские, финно-угорские, самоедские языки, но и языки эскимосов, палео-азиатских народов, народов Кавказа, басков и исчезнувшего яфетического населения Испании и других стран Европы.

В XIX ст., особенно в середине его, языковедение поднялось на значительную высоту. В частности были выработаны принципы сравнительного изучения языков. Индоевропейское сравнительное языковедение к тому времени уже существовало. Как раз к середине прошлого столетия относятся выдающиеся труды В. Гумбольдта, оказавшие значительное влияние на теорию о родстве «татарских» или «скифских» языков. В качестве одного из наиболее характерных признаков этих языков, резко отличающих их от флективных индоевропейских языков, считался их агглютинативный строй. Именно на основании этого признака, а также общего для значительной части объединявшихся в названные группы языков закона сингармонизма гласных, в группу перечисленных уже языков М. Мюллер включил еще сиамский, тибетский, южно-индийские и малайские, предложив для этой расширенной группы название «туранской». ³ Туранизм в общем совпадает со «скифской» теорией Раска, отличаясь от нее лишь еще большей широтой выдвинутых проблем.

Так как «туранские» народы занимают чрезвычайно большую территорию, М. Мюллер считал естественной меньшую определенность и устойчивость признаков туранских языков по сравнению с индоевропейскими или семитическими языками. Поэтому М. Мюллер находил возможным применять к исследованию этих языков иные методы, чем к индоевропейским, этим представителям *politic languages*, в то время как туранские языки характеризуются им как *nomadic languages*. ⁴ Впрочем, М. Мюллер не создал сравнительного изучения «туранских» языков, и туранизм выразился лишь в том, что была намечена группа языков, обладающих некоторыми общими признаками. Языки эти вместе с тем ставились в некоторую, не вполне ясную родственную связь друг с другом. На это указывает самый термин «туранские» языки, содержащий прямое указание на их родину. Следует, однако, подчеркнуть, что родственные связи этих языков друг с другом М. Мюллеру представлялись очень слабыми. Вследствие этого он избегает термина «семья туранских языков», предпочитая ему термин «группа туранских языков». ⁵ М. Мюллер не очертил круга «туранских» языков с достаточной ясностью. Он ограничился лишь отнесением ряда языков по некоторым весьма общим признакам к одной группе. Это объясняет нам, почему круг «туранских» языков продолжал в дальнейшем расширяться и вскоре охватил даже некоторые языки древности, как, например, аккадский. ⁶

Во времена М. Мюллера большинство объединенных им языков не было достаточно изучено, и туранизм вырос на совершенно невозделанной почве. Поэтому он нашел мало сторонников и вскоре сошел со сцены.

По более правильному пути направил свои исследования Матвей-Александр Кастрен. В противоположность своим предшественникам и даже современникам, Кастрен прекрасно знал ряд языков. Во время своих многолетних путешествий он собрал богатейшие материалы по самоедским, финно-угорским, тюркским, эвенкийскому, бурят-монгольскому, палеоазиатским языкам. Кастрен дал первые описание ряда языков, сохраняющих свое значение до настоящего времени. Все это дало возмож-

³ *Essays von Max Müller I.*, Leipzig, 1869, стр. 20.

⁴ *The languages of the seat of war in the east. With a survey of three families of languages: Semitic, Arian and Turanian.* London—Edinburgh—Leipzig, 1855, стр. 88.

⁵ *Essays*, стр. 22.

⁶ Fr. Lenormant, *La magie chez les chaldéens et les origines accadiennes.* Paris, 1874; *La langue primitive de la Chaldée et les idiomes touraniens.* Paris, 1875.

ность Кастрену лучше, чем кому-либо другому, разобраться в вопросе о взаимоотношениях этих языков. Но нас поражает чрезвычайная осторожность высказываний Кастрена по вопросу о взаимном отношении изучавшихся им языков. Прежде всего Кастрен резко ограничил круг языков, названных им «алтайскими», пятью группами: финно-угорской, самодской, тюркской, монгольской и тунгусской, все же остальные, как явно не имеющие (даже типологически) никакого отношения к названным, он отшел в сторону. О взаимных отношениях этих языков он высказывается в том смысле, что между ними нельзя обнаружить такой близости, как между отдельными ветвями индоевропейской группы, но что известные сходства между финскими, самодскими и тюркскими языками все же наблюдаются. «Являются ли эти соответствия столь существенными, — говорит Кастрен, — что дадут языковедам право причислять языки, о которых идет речь, к одной и той же семье, — это вопрос, ответ на который должен быть предоставлен будущему».⁷

Со времени Кастрена устанавливается урало-алтайская группа языков в ее нынешнем составе. Однако еще современниками Кастрена были сделаны попытки расширить круг урало-алтайских языков включением в него и японского языка. Эти попытки неоднократно повторялись впоследствии, но успеха не имели.⁸

Кастрен посвятил свои сравнительные исследования, главным образом, решению вопроса о взаимоотношениях финно-угорских и самодских языков. В этих исследованиях он коснулся некоторых вопросов специально финно-угорской сравнительной грамматики. В качестве компаративиста урало-алтаиста Кастрен в сущности выступил лишь в одной работе, посвященной личным аффиксам урало-алтайских языков.

Какие же общие признаки изучавшихся им языков считал наиболее существенными сам Кастрен? Он согласен со своими предшественниками, придававшими большое значение агглютинативному характеру строя «алтайских» языков. Кроме этого признака, он устанавливает, однако, еще следующие: отсутствие префиксов и наличие только суффиксов; отсутствие предлогов и наличие только послелогов; словарные сходжения; отсутствие перегласовки или чередования гласных и определение характера гласных непервых слогов корневым гласным; невозможность стечения двух согласных в начале или конце слов. Одним из наиболее серьезных признаков Кастрен считал совпадение падежных суффиксов в единственном и множественном числе.⁹

В широком масштабе сравнительное изучение «алтайских» или «урало-алтайских» языков началось со времен Шотта, который строил свои выводы на соответствиях в лексике. Вместе с тем он уделял большое внимание морфологии урало-алтайских языков.¹⁰

Ограничив круг своих исследований языками финно-угорскими, называемыми им «чудскими», тюркскими, монгольскими и тунгусскими, объединяемыми под общим названием татарских, Шотт всю группу в целом называет «алтайской» или «чудско-татарской».

⁷ Ueber die Personalaffixe in den altaischen Sprachen, M. A. Castrén's Kleinere Schriften. St. Petersburg, 1862, стр. 152.

⁸ B o l l e r, Nachweis dass das Japanische zum Ural-altaischen Stamme gehört, Wien, 1857; H. W i n k l e r, Der ural-altaische Sprachstamm, das Finnische und das Japanische, Berlin, 1909; W. P r ö h l e, Studien zur Vergleichung des Japanischen mit den uralischen und altaischen Sprachen, Keleti Szemle, XVII, 147 сл.

⁹ Ethnologische Vorlesungen über die altaischen Völker, St. Petersburg, 1857, 18.

¹⁰ Ueber das altaische oder finnisch-tatarische Sprachgeschlecht, Berlin, 1849; Das Zahlwort in der tschudischen Sprachenklasse wie auch im Türkischen, Tungusischen und Mongolischen, Berlin, 1853; Altaische Studien oder Untersuchungen auf dem Gebiete der Altai-Sprachen, Berlin, 1860.

Шотт, как и его современник Кастрен, ставит урало-алтайские языки не в одинаковую родственную связь друг с другом. Он выделяет финно-угорские языки как находящиеся в более близких отношениях друг с другом в семью финских или чудских, а остальные противопоставляет им как «татарские». Таким образом, уже во времена Шотта и Кастрена урало-алтайская языковая группа делилась на две подгруппы. Со времен Шотта выделяется в самостоятельную дисциплину сравнительное изучение монгольских, тюркских и тунгусских языков. С этого момента усилия исследователей направляются на более детальное выяснение взаимоотношений тюркских, монгольских и тунгусских языков, с одной стороны, и финно-угро-самоедских — с другой. Не всеми исследователями было принято такое деление урало-алтайской группы. В частности Винклер ставил, например, тунгусские языки в более тесную связь с финно-угорскими и самоедскими. Манджурский же язык он рассматривал как звено между последними и японским языком. Он разбивает урало-алтайскую группу на неравные подгруппы: самоедско-финно-угро-тунгусо-японскую и монголо-тюркскую.¹¹ Однако эта точка зрения не нашла поддержки у других урало-алтаистов.

Первые урало-алтаисты — Стреленберг, Раск и Мюллер не обосновали произведенного ими объединения языков в одну группу установлением каких-либо конкретных, общих всем этим языкам, признаков. Объединяя ряд языков в одну группу, эти исследователи основывались на агглютинативном строе этих языков, т. е. на признаке, характерном для слишком большого количества языков, с тем, чтобы на основании этого признака можно было делать какие-либо выводы о генетической связи соответствующих языков.

Не входя в подробное рассмотрение того, что представляет собою агглютинативный строй, укажем лишь, что в старой лингвистической литературе нет четкого определения сущности агглютинации. Необходимо также отметить чрезвычайную абстрактность обычного определения агглютинативных языков как таких языков, в которых содержание и форма только внешне прилеплены друг к другу (определение Шотта), или таких языков, которые состоят из двух резко обособленных звуковых комплексов, из которых одни являются носителями содержания (значения), а другие — носителями формы, т. е. выразителями грамматических отношений (определение Радлова).¹² Такое разграничение элементов слова представляется в высшей степени абстрактным и искусственным. Самое же главное в том, что и в агглютинативных языках существуют корни, самостоятельного бытия в языке не имеющие, т. е. не функционирующие как самостоятельные слова, и которые могут быть вскрыты лишь как составные элементы слова обязательно в сочетании с какими-нибудь суффиксами. Иначе говоря, носителем значения является в таких случаях не голый корень, но расширенная при помощи какого-либо суффикса основа, образованная от корня, существующего лишь как абстракция, хотя во многих случаях корень и основа совпадают. Примером такого корня, не имеющего самостоятельного бытия, является монг. *qo* в составе *qo-jar* 'два', *qo-š* 'пара', *qo-rin* '20', который не является самостоятельным словом.¹³ Таким образом можно установить, что и в агглютина-

¹¹ Н. W i n k l e r, *Uralaltaische Völker und Sprachen*, Berlin, 1884; *Das Uralaltaische und seine Gruppen*, Berlin, 1886; *Tungusisch und Finnisch-Ugrisch*, I—II (*Journal de la Société Finno-Ougrienne*, XXX, № 9, XXXIX, № 1).

¹² *Einleitende Gedanken zur Darstellung der Morphologie der Türk Sprachen*, Зап. Ак. Наук, VIII серия, т. VII, № 7, СПб, 1906, стр. 19.

¹³ Н. Н. П о п е, Монгольские числительные. Языковедные проблемы по числительным. Сб. статей I, Лгр., 1927, 107.

тивных языках многие слова делятся не на корень-основу и суффиксы, а на самостоятельно не употребляемый корень, на формант основы и дальнейшие суффиксы. При этом корень является таким же носителем содержания, как корни флективных языков, т. е. выражает лишь самую общую идею, а не конкретное понятие. Более того, в агглютинативных языках наблюдается множество случаев, резко противоречащих агглютинативному характеру их морфологического строя. Для иллюстрации приведем опять-таки примеры из монгольского языка. Таким ярким примером могут служить личные местоимения монгольского языка: *bi 'я'*, р. п. *mini*, д. п. *надur*. Мы наблюдаем здесь не механическое прилепление суффиксов к неизменяемой основе, а нечто довольно сильно напоминающее нам склонение в индоевропейских языках: ср. *я — мне, мы — нас* и т. п. Мы наблюдаем, наконец, не только в монгольском, но и в ряде других языков многочисленные случаи чередования гласных корневого слога, что вызывает частичные изменения семантики соответствующих слов. Давно было известно, что в манджурском языке слова, обозначающие существа женского пола, имеют огласовку *e*, в то время как мужские особи этих же существ обозначаются словами с вокализмом *a*, например, *хаха 'мужчина' — хехе 'женщина'*, *амиле 'самец' — емиле 'самка'*. Впоследствии Б. Я. Владимирцов отметил это же явление в монгольском языке и даже в тюркских, например, монг. *абай 'отец' — аби 'мать'*, тюркск. ойрот. *аса 'батюшка'*, — куманд. *есе 'тетка'*, туркм. 'мать' и т. д.¹⁴

Таким образом устанавливается тот непреложный факт, что в так называемых агглютинативных языках, наряду со словообразованием путем прилепления суффиксов, наблюдается словообразование путем изменения гласного состава слов.

Вывод отсюда тот, что агглютинация является в агглютинативных языках не единственным принципом формообразования, хотя этот принцип и преобладающий. Такой вывод, впрочем, не нов, так как давно установлено, что один и тот же язык может быть одновременно и флективным и агглютинативным, флективным и полисинтетическим и т. д. И если в агглютинативных языках этот принцип является господствующим и наряду с ним уживаются другие принципы, то во флективных языках мы тоже наблюдаем явления, в точности соответствующие агглютинации: ср. русс. *дом, дом-а, дом-у, дом-ом* и т. д.

Итак, основной признак урало-алтайских языков, которым руководствовались исследователи докастреновского периода, оказывается гораздо менее существенным, чем это представлялось раньше.

Переходя к остальным признакам урало-алтайских языков и в первую очередь к подчеркиваемым Кастреном, укажем, что наличие некоторых из них мы уже опровергли выше: таковыми являются отрицаемые Кастреном перегласовка и чередование гласных (см. выше *хаха 'мужчина'*, *хехе 'женщина'*, и другие примеры). Все же остаются еще следующие: 1) наличие только суффиксов и отсутствие префиксов, 2) наличие только послелогов и отсутствие предлогов, 3) совпадение падежных суффиксов в ед. и мн. чис., 4) определение характера вокализма следующих (логов гласным первого слога, 5) невозможность стечения согласных в начале и в конце слова. Но эти признаки имеют еще меньшее значение, чем агглютинативный строй урало-алтайских языков. Дело в том, что большинство этих признаков является производными, так сказать, вторичными, неизбежно вытекающими все из того же агглютинативного характера строя соответствующих языков. Так, например, Кастрен придает

¹⁴ Б. Я. Владимирцов, Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия, Лгр., 1929, стр. 130 сл.

большое значение наличию в урало-алтайских языках только суффиксов и отсутствию префиксов. Однако отсутствие последних является характерной чертой именно агглютинативных языков. Хотя имеются языки с префиксацией, значительная часть агглютинативных языков все же является суффиксальными языками. Если встать на точку зрения, согласно которой корень является носителем содержания, а аффикс — только формы, то он как психологически менее существенный неизбежно должен следовать за корнем и не занимать места перед ним. Но как бы то ни было, необходимо внести фактическую поправку в тезис Кастрена, а именно: некоторым урало-алтайским языкам префиксация, хотя и очень слабо развитая, все же свойственна (например, корейскому языку).¹⁵

Коль скоро в так называемых урало-алтайских языках получила особую мощное развитие суффиксация, вполне понятно, что место предлогов занимают в них послелогии, ибо они до известной степени такие же служебные элементы в составе предложения, как суффиксы в составе слова.

Из агглютинативного характера языкового строя вытекает и полное совпадение падежных суффиксов ед. и мн. чисел. Дело в том, что в так называемых флективных языках окончания несут не одну, а несколько нагрузок. В агглютинативных же дело обстоит иначе. Там каждый формант имеет только одну нагрузку. Так, например, форма 1-го лица ед. ч. прошедшего времени тюркского глагола *ал* — 'братъ' — *алдым* состоит из *ал* — основа, *-ды* — суфф. прош. вр., *-м* показатель 1-го л. ед. ч., или финск. *суоми talossani* 'в моем доме' состоит из *talo* — основа, *-ssa* — суфф. инессива, *-ni* — притяжательный суффикс 1-го л. ед. ч., а *taloissani* — то же, но во мн. ч., ибо *i* — формант основы мн. числа. Агглютинативные языки являются как бы аналитическими. И иначе при преобладающем агглютинативном строе и быть не может.

Таким образом, морфологические признаки агглютинативных языков выводятся из основного — из агглютинативного принципа языкового строя, являющегося, кстати, не единственным. Наряду с ним существуют в отдельных языках в различной степени развитые другие принципы — от аморфно-синтетического до флективного включительно.

Следующая группа признаков относится уже к области фонетики. Один из них мы уже отвергли — это отсутствующие, якобы, чередования гласных. Мы отвергаем и второй — тоже отрицательный признак: невозможность стечения согласных в конце слов, так как в исходе слов возможна группа согласных, ср. тюркск. *аст* 'низ', *уст* 'верх' и т. п. Что же касается невозможности стечения согласных в начале слова, которой придавал большое значение Кастрен, то укажем, что и в иранских языках наблюдается то же самое и в ряде других. Следовательно, и этот признак не столь существенен.

Остается последний фонетический признак так называемых урало-алтайских языков. Это — сингармонизм гласных, которому придавали весьма большое значение. Сущность сингармонизма гласных сводится к тому, что в одном и том же слове не могут находиться любые гласные, но лишь определенные, например, за слогом с *a* дальше следуют слоги только с *a* или *y*, *a* или *ы*, но не *e*, не *ü* и т. д. Причину появления сингармонизма пытались объяснять по-разному. Так, например, Штейнталь считал сингармонизм обусловленным тупостью и умственной вялостью, даже ленью, но это объяснение, конечно, совершенно антинаучно. Причины возникновения сингармонизма лингвисты так и не установили. Более того, у исследователей соответствующих языков мы не находим даже покрывающего все случаи определения того, что такое сингармонизм. Обычно

¹⁵ А. А. Холодович, Строй корейского языка, Лгр., 1938, стр. 17.

указывают, что по правилам сингармонизма в одном и том же слове не могут находиться гласные заднего и переднего ряда. Но это неверно: в финск. суоми *e* и *i* встречаются в словах с любым остальным вокализмом; в маньчжурском языке *e* встречается, например, вместе с *a* в одном и том же слове; в эвенкийских наречиях *э* находится иногда в слоге, следующем за *ā* и т. д. В живых монгольских языках *ā* и *ō* наблюдаются в одном слове после и перед *a(ā)* и *a(ō)*. Таким образом, мы видим, что сущность сингармонизма не в том, что задние гласные не могут встречаться в одном слове с передними, но что определенные гласные требуют после себя других строго определенных гласных. Это первое. Говоря же о древности и степени распространения сингармонизма гласных, укажем со слов венгерского ученого Szinnyei, что сингармонизм распространен не во всех, но лишь в некоторых финно-угорских языках. Ни в одном финно-угорском языке не наблюдается идеально и последовательно проведенного сингармонизма. В то время как он хорошо развит в венгерском, в большей части западно-финских языков и в западно-марийских говорах, его совершенно нет в лопарском, в коми-зырянском, в удмуртском и хантейском.

Szinnyei, стоящий вполне на точке зрения праязыковой теории, указывает далее, что в финно-угорском праязыке сингармонизма вообще не было и что он возник в отдельных языках независимо одних от других в разных условиях.¹⁶ Это весьма важное указание, мимо которого пройти нельзя, хотя мы и несогласны с праязыковой концепцией Szinnyei. В финно-угорских языках по крайней мере сингармонизм является поздним явлением. Монгольские и тюркские языки в этом отношении мало изучены. Однако и там он существовал, повидимому, не извечно. На это указывает то обстоятельство, что одни и те же корни входят в состав слов с задним и передним вокализмом. Например, монг. *ni* в *ni-kü* 'сморкаться' заднего ряда, *ni-sun* 'сопли', *ni-bu* 'плевать' (заднего ряда). Таким образом, и этот признак лишается того значения, которое ему придавали.

Вывод ясен: от доводов старых урало-алтаистов в пользу объединения тюркских, монгольских, тунгусских, самоедских и финно-угорских языков в одну группу урало-алтайских ничего не остается.

Переходим к доводам более новых лингвистов. К числу их принадлежит Винклер, автор ряда работ на урало-алтайские темы. Не удовлетворяясь столь общими и мало говорящими современному лингвисту признаками так называемых урало-алтайских языков, как агглютинативный характер их строя, Винклер основное внимание уделяет установлению более конкретных признаков, общих этим языкам. Он устанавливает два основных признака: 1) урало-алтайским (по его терминологии алтайским) языкам свойственны первоначально только субстантивообразные (*substantivartig*) имена, из которых первое всегда является подчиненным, а второе подчиняющим, если форма связи это допускает, 2) в противном же случае отношение — предикативное, причем первое имя выражает подлежащее, а второе — сказуемое.¹⁷ Связь подчиненного и подчиняющего имени находит прежде всего генетивное или генетивообразное (*genetivisch oder genetivartig*) выражение. Как определение, прилагательное занимает место перед определяемым, ибо оно является генетивообразным подчиненным членом к определяемому и как таковое оно не может принимать суффиксов числа или падежа, следовательно, оно не может согласоваться с управляющим.¹⁸ Первоначально таким же генетивообразным

¹⁶ J. Szinnyei, *Finnisch-ugrische Sprachwissenschaft*, Berlin — Leipzig, 1922, 41—44.

¹⁷ *Die altaischen Völker und Sprachen*, Leipzig und Berlin, 1921, стр. 32.

¹⁸ Там же, стр. 33.

управляемым было логическое подлежащее предложения, так как первоначально существовали только имена. Поэтому предложение *отец идет* первоначально представляло собою нечто вроде *отца хождение* или *отец-хождение* (*отцехождение*)¹⁹. Таким образом мы видим, что Винклер уделяет основное внимание синтаксическим особенностям, из которых многие действительно совпадают в подавляющем большинстве этих языков. Однако он упускает из виду, что синтаксические особенности так называемых урало-алтайских языков полностью вытекают из агглютинативного морфологического строя их. Синтаксис и морфология теснейшим образом связаны друг с другом. Более того, синтаксические особенности в значительной степени обуславливаются морфологическими особенностями этих языков. Обратимся, в самом деле, к монгольским языкам: раз существительные и прилагательные как две разные, морфологически дифференцированные части речи отсутствуют, понятия *прыткий заяц* и *заячья прыть* могут быть выражены при полном внешнем совпадении слов *прыткий* и *прыть*, *заяц* и *заячий*, очевидно, только так, как они выражаются в монгольском и других типологически близких языках. Определенный порядок слов в предложении компенсирует отсутствующие морфологические средства выражения.

И действительно, по-монгольски сочетания *шедший человек* и *человек шел* отличаются друг от друга только иным порядком сочетающихся слов: *jabuγsan kütün* — 'шедший человек', *kütün jabuγsan* — 'человек шел'.

Другие синтаксические особенности так называемых урало-алтайских языков точно так же полностью вытекают из общего строя их. В настоящее время можно уже говорить об агглютинативном синтаксическом строе языков, т. е. понимать агглютинативность не только как морфологический признак, но и как синтаксический, а также и несколько расширить содержание термина агглютинативный. Это с предельной ясностью понимал выдающийся монголист середины прошлого столетия Алексей Бобровников. Он установил, между прочим, что значительное количество так называемых придаточных предложений в монгольском языке представляет собою сочетания слов, логические сказуемые которых морфологически оформляются точно так же, как был бы оформлен простой член предложения, находящийся в такой же зависимости от управляющего слова. Так, например, русскому предложению *тем, что ты привез мне из города новые книги, ты меня обрадовал* — соответствует в монгольском *ты из города новых книг мне привозом своим меня обрадовал*. Вместо придаточного предложения мы видим сочетание слов, логическое сказуемое которого оформлено творительным падежом (на вопрос *чем обрадовал?*). Бобровников такие сочетания называет членными предложениями, избегая неподходящего в данном случае термина «придаточное предложение».²⁰ Другой монголист — Г. Д. Санжеев впоследствии назвал такого рода «предложения» развернутым членом.²¹ Он понимал под этим такой член предложения, который состоит не из одного слова, но из группы слов, построенной по типу обычного предложения за исключением того, что вместо сказуемого такое предложение содержит именную (причастную) форму глагола, взятую в падеже, которого требует управляющее развернутым членом слово. Таким образом уже Бобровников заметил, что предложение (во всяком случае некоторые типы предложения) построено по аналогии со строением слова как члена предложения.

¹⁹ Die altaischen Völker und Sprachen. Leipzig und Berlin, 1921, стр. 34.

²⁰ Алексей Бобровников, Грамматика монгольско-калмыцкого языка, Казань, 1849, 280 сл.

²¹ Синтаксис монгольских языков, М., 1934, 64 сл.

Синтаксические особенности урало-алтайских языков, следовательно, не могут считаться тем основным признаком, которому придавал столь большое значение Винклер. Они совершенно закономерно и неизбежно вытекают из господствующего в этих языках агглютинативного принципа.

Винклер придает, далее, серьезное значение сходствам в лексике,²² но об этих якобы общих упомянутым языкам элементах мы выскажемся в связи с новейшей работой в этой области, какой является работа А. Sauvageot.²³ Соважо подвергает основательному пересмотру все старые средства урало-алтаистов. При этом он приходит к выводу, что современные попытки доказать взаимное родство урало-алтайских языков должны делаться на основе более точного метода, образцом которого является индоевропейская сравнительная грамматика.²⁴ Таким образом, разочаровавшись в малонаучных построениях своих предшественников, автор видит единственное средство в индоевропеизме. Критика его работы должна неминуемо вылиться в критику индоевропейского компаративизма, что представляет тему, отнюдь не новую. Поэтому мы ограничимся лишь самыми необходимыми замечаниями.

Считая, что образцом должна служить индоевропейская сравнительная грамматика, Соважо ставит своей ближайшей целью заложить первооснову сравнительной фонетики урало-алтайских языков. Нужно, однако, заметить, что Соважо, объявляющий себя приверженцем индоевропеизма, сам совершает серьезные отклонения от основных положений индоевропеизма, притом положений как раз самых неоспоримых. Как известно, даже формально компаративные исследования каких-либо языков допустимы лишь при условии достаточной изученности данных языков, при этом не только изученности их в смысле наличия добросовестных работ описательного характера, но и изученности истории данных языков. Между тем исторических грамматик таких языков, как тунгусские, самоедские, даже большинства финно-угорских языков нет. Как же изучать сравнительно языки, история которых совершенно неизвестна и диалекты которых даже полностью не выявлены? Соважо находит возможным сопоставлять слова из разных, в историческом аспекте совершенно неизученных языков.

Вторая крупная, с точки зрения того же индоевропеизма (с которым в данном пункте можно всецело согласиться), ошибка Соважо заключается в том, что он сопоставляет слова, совпадающие часто лишь в отношении одной фонемы. Соважо вполне удовлетворен такими сближениями, как нанайск. *pe* 'берега', манджур. *fija* = финск. *piu*, венгерск. *ja* (стр. 5), лопарск. *bāvsa bāk̄sa* 'губы' = нанайск. *p̄etu*, *ʃetu*, мандж. *ʃeten* (стр. 29). Нельзя, конечно, отрицать наличия некоторого сходства между сближаемыми словами, но сходство это не идет дальше начального согласного. Остальные же фонемы, входящие в состав этих слов, совершенно различны и ничего общего не имеют (*baksa—ʃetu*).

При таких условиях эти словарные сближения не представляют ценности и цели своей не достигают, так как они ничего не доказывают. Более того, произведенный Широкогоровым анализ словарных сближений Соважо привел к результату, ничего неожиданного не представляющему, а именно, что большинство сближений с точки зрения тунгусского языкознания неправильно. Общий вывод Широкогорова таков: словарные сближения не дают оснований для включения тунгусских языков

²² См., например, *Der ural-altäische Sprachstamm, das Finnische und Japanische*, Berlin, 1909, 13—57, 244—312.

²³ *Recherches sur le vocabulaire des langues ouralo-altaïques*, Paris, 1930.

²⁴ Цит. соч., XXXIV.

в группу урало-алтайских, которые поэтому из этой группы должны быть вычеркнуты.²⁵

Какие же остаются доводы в пользу объединения ряда языков в так называемую урало-алтайскую группу? Общие черты в синтаксическом строе соответствующих языков, как уже было указано выше, обусловлены особенностями агглютинативного строя их или, лучше, — агглютинативный синтаксический тип и агглютинативный морфологический тип образуют единство и не могут быть оторваны друг от друга. Поэтому доводы, строящиеся на синтаксических особенностях так называемых урало-алтайских языков, ничего не прибавляют к доводам, строящимся на морфологических особенностях их. Но выше уже было указано, что агглютинативные элементы морфологического строя этих языков, сами по себе взятые, еще не могут служить доказательством языкового родства. Общей же лексики в этих языках нет, и делавшиеся словарные сопоставления не убедительны и в методологическом отношении не стоят на должной высоте. Таким образом мы приходим к печальному для урало-алтайской теории итогу: доказательств в пользу взаимного родства объединяемых ею языков нет. Любопытнее всего то обстоятельство, что даже обычные методы буржуазного языковедения обращаются против урало-алтайской теории. Урало-алтайская группа или семья языков не существует, как не существует генетического родства между объединяемыми урало-алтайской теорией языками, как, наконец, не существовало и урало-алтайского праязыка.

²⁵ S. M. Shirokogoroff, *Ethnological and linguistical aspects of the ural-altaic hypothesis*. Peiping, China, 1931, 162.